

Памяти **Ө. Г. Волкова.**

По поводу столетия основания вольного русского театра.

Первое начало русского театра относится ко второй половине XVII вѣка, къ царствованію Алексѣя Михайловича. „Годъ, даровавшій Россіи Царя-Преобразователя,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей,—видѣлъ и зарожденіе въ Московскомъ государствѣ этого могучаго двигателя народной образованности“. Появленіе театра въ Москвѣ въ это время не было простою случайностью: оно служило однимъ изъ проявленій новыхъ вѣяній, которыя охватывали тогда русскую жизнь. Къ ужасу сторонниковъ старины, театръ отводилъ царя и его приближенныхъ отъ прежнихъ благочестивыхъ развлеченій, отъ духовныхъ стиховъ, церковныхъ дѣйствъ, отъ скомороховъ и домрачеевъ.

Театръ возникъ при дворѣ тишайшаго царя по инициативѣ боярина Матвѣева, „который въ духовныхъ обученіяхъ и къ царской святительской чести надлежащихъ гражданскихъ поступкахъ вѣло обретался благонкусенъ“. Устройство театра и было поручено первоначально пріятелю Матвѣева полковнику Николаю Өанъ-Стадену. 15-го мая 1672 г., т. е. за двѣ недѣли до рожденія Петра Великаго, царь приказалъ Өанъ-Стадену ѣхать въ Курляндію и „приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бѣ руды всякія подлинно знали и плавить умѣли, да трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бѣ умѣли *всякія комедіи строчить*“.

Оказалось, что порученіе, данное Өанъ-Стадену, исполнить было нелегко. Онъ велъ переговоры со многими актерами и въ Курляндіи, и въ Даніи, и въ Швеціи, но мало было охотниковъ ѣхать въ далекую

и негостеприимную Московію. Өанъ-Стаденъ вернулся только съ однимъ трубачемъ и четырьмя музыкантами. Но въ Москвѣ нашла другой способъ для устройства спектаклей. Обратились къ Нѣмецкой слободѣ, и желаніе царя было исполнено. Зимой 1672 г., еще до возвращенія Өанъ-Стадена, состоялся первый спектакль. Уже въ іюнь, черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія Петра Великаго, былъ данъ слѣдующій указъ: „1672 года, іюня въ 4-й день, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учипити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу „Есфиръ“ и для того дѣйства устроить хоромину вновь, а на строеніе той хоромины и что въ нее надобно покупать изъ приказу Володимирской чети“. Іоаннъ Готфридъ Грегори, пасторъ изъ Нѣмецкой слободы, человѣкъ замѣчательно образованный, взялъ на себя устройство придворныхъ спектаклей. „Хоромина“ театральная была выстроена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ ту хоромину

надобно“. Спектакли, организованные нѣмецкими пасторами, очень понравились царю. Въ январѣ 1673 г. Артамонъ Матвѣевъ объявилъ царскій указъ „взять въ посольскій приказъ сорокъ соборей въ 100 рублей, да пару въ восемь рублей, а изъ посольскаго приказа отдать тѣ соборы его великаго государя на жалованіе магистру Ягану Готфриду за комедійное строеніе, что объ Артаксерсовѣ царствованіи“.

Для своей труппы Грегори собралъ „дѣтей различныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка“. Но дѣло не могло этимъ ограничиться: оно должно было кончиться привлеченіемъ къ нему русскихъ. При театрѣ Грегори уже въ 1673 году устраиваетъ родъ школы, гдѣ 60 мѣщанскихъ и подьяческихъ дѣтей обучались комедійному дѣйству. До насъ дошла челобитная „подьяческа Васки Мешалкина съ товарищи“, въ которой объясняется, что они взяты въ театральную школу, но жалованья имъ не положено, и они, ходя по

вся дни въ Нѣмецкую слободу для обученія, платишकों ободрались и сапожишками пообносились, а нить и ѣсть нечего: „пожалуй насъ холопей своихъ, вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на прпитанье поденный кормъ учинить, чтобъ намъ холопомъ твоимъ, будучи у того комедійнаго дѣла, голодною смертью не умереть. Царь государь, смилуйся“. Ученики были удовлетворены жалованьемъ, но самый театръ былъ вскорѣ закрытъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича. Царь Өедоръ Алексѣевичъ указалъ „очистить палаты, которыя были заняты на комедію“.

Великій преобразователь не могъ не обратить вниманія на театральныя представленія, которымъ покровительствовалъ еще его отецъ. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка повелѣно было пригласить труппу иностранныхъ актеровъ, и для нихъ выстроена особая хоромина съ великимъ издвигеніемъ и на знатномъ мѣстѣ—на Красной площади. Въ Москву явился со своею труппою Іоаннъ Кунштъ. Не будемъ останавливаться на его дѣятельности, на его спектакляхъ и репертуарѣ, а только укажемъ, что и на этотъ разъ заведеніе театра было соединено съ устройствомъ при немъ школы. Кунштъ вскорѣ умеръ, труппа его распалась. Царь не былъ очень доволенъ спектаклями Куншта, такъ какъ нѣмецкій актеръ не сумѣлъ приспособиться къ основному требованію Петра, чтобы сцена, подобно церковной проповѣди, служила дѣлу реформы, замѣняя для зрителей „вѣдомости“, представляя „тріумфальныя комедіи“. Послѣ смерти Куншта спектакли прекратились, но сначала еще продолжалось обученіе русскихъ учениковъ комедійному дѣлу. Ученики эти были недовольны своими наставниками-иностраними, жаловались, что начальный комедіантъ иноземецъ и потому „ихъ русскаго поведения не знаетъ“, заявляли, что они не могутъ „дѣйствовать выученныхъ комедій въ твердости за нерадѣніемъ иноземца въ кумплиментахъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ“. Они просили „выбрать изъ нихъ же русскихъ комедіантовъ одного человѣка или двухъ по разсмотрѣнію“. Но

между ними тогда не было такого человека, который могъ бы взять на себя созданіе и веденіе русскаго театра. Предпріятіе это кончилось ничѣмъ. Въ царствованіе Петра спектакли продолжались подъ покровительствомъ великой княжны Натальи Алексѣевны, но носили уже частный характеръ. Попытка Петра создать публичный русскій театръ не удалась. Причины этого неуспѣха лежали въ двухъ условіяхъ. Съ одной стороны, тогда еще не было художественной драматической литературы, составляющей, по выраженію проф. Тихонравова, „душу театра“, а съ другой—среди комедійныхъ учениковъ не нашлось энергичнаго, всецѣло отдавашагося сценѣ даровитаго человѣка, который бы вывелъ новое дѣло на настоящій путь. Только въ срединѣ прошлаго вѣка оба эти условія оказались на-лицо. У насъ появились драматическія произведенія, а вслѣдъ затѣмъ созданію русскаго театра отдалъ свои силы богато одаренный умомъ и энергіей Өедоръ Григорьевичъ Волковъ.

Өедоръ Волковъ родился въ Костромѣ 9-го февраля 1729 г. Отецъ его былъ мѣстный купецъ. Онъ скончался черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія Өедора, оставивъ плтерыхъ сыновей (Өедоръ былъ старшій). Вдова Матрена Яковлевна Волкова вкорѣ вышла вторично замужъ за ярославскаго купца и заводчика Полушкина, и всѣ мальчики Волковы переехали съ матерью на жительство въ Ярославль. Здѣсь Өедоръ Волковъ выросъ, здѣсь и началась его сценическая дѣятельность, онъ навсегда связалъ свое имя съ Ярославлемъ, своей второй родиной.

Наши свѣдѣнія о юности Волкова довольно скудны и противорѣчивы. Несомнѣнно одно, что онъ былъ поставленъ въ условія довольно благоприятныя для своего развитія. Старикъ Полушкинъ оказался затронутымъ новыми стремленіями преобразовательной эпохи и сумѣлъ поставить благоприятно обученіе своихъ пасынковъ, которыхъ онъ полюбилъ какъ родныхъ дѣтей. Мы знаемъ, что онъ отправлялъ старшаго мальчика Өедора въ Москву для обученія, по свѣдѣтельству Новикова, музыкѣ и иностран-

нымъ языкамъ. По другому преданію, которое представляется возможнымъ, но не вполне вѣроятнымъ, Волковъ провелъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, обучаясь въ Заиконоспасской академіи. Заведеніе это по своему значенію, несмотря на свой богословскій характеръ по преимуществу, являлось общеобразовательнымъ, и поступленіе въ академію купецкаго сына, вовсе не думающаго о духовной карьерѣ, не представлялось бы чѣмъ-нибудь исключительнымъ. Но, кажется, Новиковъ не могъ бы не знать, что Волковъ учился въ академіи, и не могъ бы, конечно, умолчать объ этомъ. При томъ же трехлѣтнее пребываніе въ академіи должно было бы наложить извѣстную печать на Волкова, а этого вовсе не было замѣтно, и въ обществѣ его знанія и развитіе говорить о самообразованіи, усиленномъ и плодотворномъ, но чуждомъ систематической школы. Во всякомъ случаѣ мы должны принять, что Волковъ провелъ нѣкоторое время въ Москвѣ съ образовательными цѣлями, и это пребываніе должно было такъ или иначе обогатить его извѣстными познаниями. Вѣроятно, въ Москвѣ онъ впервые